

Слово о бездождіи.

Старая Украина имѣла богатую литературу, устную и письменную. Во многихъ трудахъ выдвинуты были религіозно-общественные вопросы, доминировавшіе въ XVI—XVII вѣкахъ, иногда въ связи съ вопросомъ о положеніи низшихъ классовъ, вообще въ связи съ социальными и политическими интересами.

Извѣстны сочиненія демократическія (напримѣръ, посланія Вышенскаго, дума объ Андыберѣ), серьезныя научныя изслѣдованія на религіозно-общественныя темы (напримѣръ, Апокрисисъ, Палинодія). Вся литература XVII в. представляется очень давней, тѣмъ болѣе, что многія ея произведенія носятъ своеобразныя греческія и латинскія названія, Лиѳосъ, Оринось, Апокрисисъ, Антирисисъ. Подъ этими чужеземными заглавіями, означавшими въ переводѣ «Камень», «Плачь» и т. д., скрывались серьезные политическіе трактаты или опредѣленные національныя стремленія.

Нижеслѣдующія строки посвящены одному маленькому литературному памятнику XVII вѣка, оставшемуся въ наукѣ совсѣмъ незамѣченнымъ, вѣроятно, потому что изданъ онъ въ рѣдкой нынѣ книгѣ, и притомъ въ концѣ ея подъ заглавіемъ «Слово во время бездождья і глада і всякая пагубы и всякая нужда і злочленія людей», именно въ I т. вышедшихъ въ 1856 году въ Черниговѣ «Южнорусскихъ лѣтописей» Н. Бѣлозерскаго. При самомъ появленіи этой книги, Слово о бездождіи не было замѣчено. А между тѣмъ это замѣчательный памятникъ украинской литературы XVII в., достойный того, чтобы занять видное мѣсто въ исторіи старинной украинской письменности, какъ по языку, такъ и по содержанию. Эта простая церковная проповѣдь существенно отличается отъ современныхъ ей витіеватыхъ и схоластическихъ казаній, благодаря присутствію въ ней яркаго реализма и народнаго стиля.

Слово сказано было гдѣ-то въ глуши Украины, повидимому, какимъ священникомъ, по случаю продолжительнаго бездождія. Оно начинается съ суроваго обличенія «пановъ незбожнихъ, которыхъ неслыханіи кривды и утиски бѣдные подданные терпѣ бѣрзей нежели въ поганствѣ невольници», т. е. безбожныхъ язычниковъ, отъ которыхъ бѣдные крестьяне терпятъ большія угнетенія и несправедливости, чѣмъ невольники у язычниковъ, подѣляемыми авторъ, нужно думать, разумѣлъ мусульманъ турокъ, сополагая ихъ съ современными ему народными пѣснями о турецкой неволѣ. «Збожные паны» въ то время были большей частью изъ поляковъ и ополяченныхъ малороссовъ.

«Приглядѣмся незбожнымъ паномъ, говорить далѣе проповѣдникъ, которые такъ ся обходили окрутне съ людьми, якого окрутва подъ сонцемъ немашь; въ иншихъ земляхъ завше звичай-податки на людяхъ, а въ королевствѣ польскомъ мало не каждый панъ власно яко бы ся зприсягли, не пораховавшися съ сумнень-если ся годить брати у бѣднаго челоуѣка тое, чего сила его не можетъ. А найперво, кто поволовщину вымыслилъ, щобъ во-вѣкъ съ пекла не выйшовъ, распрягаючи челоуѣкови убогому и едно-иному маючому, чимъ живилъ себе, жену и дѣти свои бѣдны».... «насмотрѣлся я на незбожныхъ пановъ, которые такъ жестоко обходятся съ людьми, какъ нигдѣ нѣтъ подъ солнцемъ; въ чужихъ краяхъ всегда обыкновенные налоги, а тутъ не разбирають, что можно взять по силѣ плательщика. А кто поволовщину ввелъ, чтобы никогда не выйти изъ ада, такъ какъ отъ поволовщины разоренъ бѣдный крестьянинъ, имѣющій всего одну пару воловъ, предназначеную ему для пропитанія себя и своей семьи».

Волы составляли въ старину цѣнное достояніе украинскаго народа. Налогъ на воловъ, или поволовщина ложился большой тяжестью, и только въ позднѣе, въ половинѣ XVIII ст., особенно во время походовъ турокъ. Тяжкимъ разореніемъ была обязательная, плохо оплачиваемая, а чаще и совсѣмъ не оплачиваемая поставка воловъ для государственныхъ надобностей (см. Драгоманова, Політ. пісні II 171—175). Въ излюбленномъ авторомъ Словѣ пріемъ проклятія обнаруживается типичный украинецъ. Великороссы склонны къ брани; малороссы — къ проклятіямъ. Въ послѣднее время и въ Малороссіи брань

стала обычнымъ явленіемъ, подъ вліяніемъ порчи нравовъ.. Насколько великороссы богаты и изобрѣтательны по части ругани, настолько малороссы щедры на проклятія, которыя состоятъ главнымъ образомъ въ пожеланіи разныхъ недуговъ — щобъ покорчило, повылазило (ослѣпѣ), трясца (т. е. лихорадка) взяла и т. д. до чрезвычайнаго разнообразія формъ и оттѣнковъ.

Демократизмъ автора «Слова» не помѣшалъ ему высказаться противъ анархическихъ элементовъ въ современномъ ему обществѣ. Строго осуждая пановъ за притѣсненіе народа, авторъ «Слова» относится отрицательно къ грабительскимъ и разбойничьимъ элементамъ народной среды. Въ этомъ отношеніи его замѣчанія такъ интересны, что заслуживаютъ того, чтобы привести ихъ въ подлинникѣ, по ихъ своеобразному сильному стилю, и въ переводѣ, для ясности пониманія.

«Але и то мусыть буты въ подивеню людей уважныхъ такаа справа, же по невозможныхъ панахъ взяли зверхность бровагнны, пьяницы, костыреве, картинцы, злодѣве и разбойницы и свинопасы... а взявши моць не только жидовъ и пановъ свойхъ забивали, а и городовъ гвалтомъ добуваючи и всюды огнемъ палячи, людей въ невинности забиваючи и въ неволю выдаючи, олтари Божіи пустошачи... братію свою драли, мучили и забивали».... т. е. «Однако и то представляется страннымъ въ глазахъ людей, достойныхъ уваженія, что послѣ безбожныхъ дворянъ притѣснителей взяли верха разные пьяницы, разбойники, злодѣи, и, взявши верхъ, не только стали избивать евреевъ и помѣщиковъ, но стали захватывать города, жечь частное имущество, убивать ни въ чемъ неповинныхъ людей, грабить церкви, убивать и мучить своихъ согражданъ».

Если съ перевода языка перейти на переводъ социальныхъ явленій, то прежде всего можно поставить вопросъ, къ какой изъ нынѣшнихъ политическихъ партій скорѣе всего примкнулъ авторъ «Слова», если бы онъ жилъ не въ семнадцатомъ, а двадцатомъ вѣкѣ. По всей вѣроятности, къ одной изъ тѣхъ партій, которыя стремятся по возможности отмежеваться отъ крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ.

Интересно, между прочимъ, что въ «Словѣ» авторъ высказываетъ надежды на Москву, что говорить о принадлежности его къ

духовнымъ лицамъ, которые идеализировали московское правленіе.

Итакъ, въ «Словѣ» находимъ:

1. Осужденіе «незбожныхъ пановъ», т. е. того классового и сословнаго шляхетскаго устройства, которое ведетъ къ приниженію и рабощенію народа.

2. Осужденіе крайне повышенной налоговой системы, особенно такъ называемой «поволовщины» — стариннаго налога на воловъ, такъ чувствительнаго для земледѣльческаго населенія Украины.

3. Сочувственное и уважительное отношеніе къ «инымъ странамъ» вообще, къ Москвѣ въ частности; для малороссовъ «иными», подъ которыми разумѣются западныя, всегда были близки и дороги, какъ страны съ болѣе высокой культурой.

4. Полное сочувствіе тѣмъ «уважимымъ людямъ», которые стояли за спокойное развитіе и прогрессивный ростъ страны; авторъ осуждал грабежъ и хищенія и высказывается противъ погромной политики, причисляя эти явленія къ одной общей категоріи варварства, неслыханнаго въ культурномъ обществѣ и противнаго убѣжденіямъ «лучшихъ», т. е. лучшихъ людей.

Приложеніе:

*Слово во время бездождья і глада і всякая пагубы и всякая скорби і злочленія людей, о немилосердію же и розныхъ спра-
вдскихъ, якіе сихъ часовъ днются, аменовите во христіянствѣ.*
Вспоминаетъ писмо святое немало таковыхъ голодныхъ лѣтъ, чаше же много было людей богобойныхъ и милосердныхъ оныхъ, кои которыхъ бѣдныхъ ратовали и убогимъ пріятелемъ своимъ, чуждою смертю погибати не давали. Теперъ зась таковыхъ мало: и въ сихъ часовъ не то найбогатшій чловѣкъ — тотъ замкнулъ свои і помогаетъ вмѣсто стогнати въ навиженію Божию бѣднымъ людемъ і яко бы власно побужалъ до большого раба бѣдныхъ сиротъ. А втомъ збожемъ своимъ задержується і не підвишаєть для збирання скарбовъ своихъ. Въ правдѣ і правдѣ божье на нѣкоторыхъ безумныхъ, а праве запам'яталихъ

людей смертію приходить, аби ся упам'ятали, а на потомные часъ дару Божого и праці своєї и гдѣ его мають, аби лядякого его не оборочали и не тратили; яко то вкрутныє п'яници, костирове, картици, бардачници, табачници, злодѣйове, разбойници, дряпѣйници, вшетечници, чаровници, волшебници і вшелякіє беззаконници и дому своего право нестроителіе. Таковыє меновите голодныхъ часовъ лядячимъ ся кормять и съ потомковъ своихъ потѣхи мають, а на улицахъ покидаючи въ голодной смерти отбѣгають, а потомки ихъ власные еще на семъ свѣтѣ смутне ихъ, въ наготѣ въ голодѣ зостаючи, проклинаять, живячися, яко могучи, листемъ корою, порохнею, лободою, жолудемъ, бронками, стервомъ здохлымъ бѣдлѣчимъ і конскимъ, псами, котками, — чого и безбожные панове добре непоеднокреть, а меновите въ Зберажу, досвѣдчили, и безъ часу гинули. Що все за грѣхи скараніе божое на запам'ятати приходять, що ладно зрозумѣть можемо, толко съ пильности уважансма ¹⁾... і не могли дождчу имѣти и голоду збути, ажъ фалшивыхъ пророковъ позабивали і отъ того часу въ обфитости рожанъ хлѣба зостали. Такова єсть моць и сила пророцкой молитвы на захованне Закону Божого. Прето і мы, братія, таковымъ прикладомъ справедливости божей, яко устрашитися не маємъ, іжъ і межъ нами много єсть таковыхъ Савлевъ і забойцевъ, бо і на сей часъ, з допущення божого, плѣнь пришелъ на людъ израильскій, яко і на пановъ незбожныхъ, отъ которыхъ неслыханные кривды і утиски бѣдные подданы терпѣли, либо и сихъ часовъ терпѣть барзей, нежели въ поганствѣ невольници. Приглядѣмся незбожнымъ паномъ, которые такъ ся обходили окрутне съ людьми, яко окрутенства подъ солнцемъ не маєшь въ иншихъ земляхъ; завше звычайные податки на людехъ, а въ кролевствѣ полскомъ мало не кождый панъ, власне яко бы ся зприсягли, не пораховавшися зъ сумленемъ, если ся годить брати у бѣдного чловѣка тоє, чого сила его не зможесть? А найперво, кто поволовщизну вымыслилъ, що во вѣки съ пекла не вийшоу! Роспрягаючи чловѣковъ убогому і єдиному ярму воликовъ маючому, чимъ живиль себе, жону и дѣти свои

¹⁾ Здѣсь Бѣлозерскій—первый издатель памятникъ выпустилъ одно мѣсто, гдѣ говорится о голодахъ въ землѣ народа израильскаго и въ особенности о голодѣ при царѣ Давидѣ.

ны, которые волики прежде добре оплачивалъ чиншомъ рого-
вудовымъ и иными податками и розными вымыслами, которые
къ то иныи змыслили и выдирали, не пораховавшись съ су-
щностью: если его посадилъ на таковимъ грунтѣ и жебы мѣль чимъ
платити таковыя податки? А хотя бы грунтъ бувъ и найлѣп-
ше, кто наспоритъ на фуги его влоскіе, которые барзей припра-
вы потравы, нижели князь гданскій, который лѣпше хочетъ
на свою уприти и устроити на Украинѣ, нижели видѣвъ ве-
рныхъ! А у подданого уже не стаесть и крови, вздыхаючи до
своихъ невдѣльных дѣтками своими, нарѣкаячи на часы оплаканыи.
И на тихъ пришлоъ часъ, — же ся Богъ очутилъ для волання
спасенія бѣдныхъ и убогихъ людей, и не вытрвалъ далей
ихъ, и оголотилъ тѣе убраныя и упротруныя цорки ихъ зъ
оныхъ, и учинилъ ихъ дивовискомъ всему свѣту; и будетъ ся
иже, — яко то естъ не першая на беззаконныхъ — до третего и
четвертого поколѣнія, ажъ рекутъ: бѣда намъ, жесмо ся немилосердне
паче зъ убогими подданными, по Христу, братіею нашею! и для
того жесмо негодны милосердія божого; отворачалисмо очи наши,
и о милосердіе просили, а намъ ся здавало, ижъ негодны
мы, и глядѣти; лѣпшесмо шановали псовъ нашихъ и жидовъ
иныхъ, съ которымиспо посполу ѣдали и пивали и роскошовали,
и на поту христіанскаго, а на остатокъ не только на здоровье
и на тѣлѣ, але и вѣру ихъ зломити умышляли и власне яко съ
злыми поступали, одво податками выдыраючи и работы на
нихъ умышляючи, за слово въ невѣчѣ оборочаючи и забиваючи,
и на нѣмъ не памятаючи, и кровь невинную проливаючи, всѣми
наша на здоровье и на вѣру ихъ наступали. Прето, если за Аха-
нскихъ, которые були невѣрные, и за тѣхъ Богъ значне мстился,
иже розумѣють безбожныя, же такъ зъ христіаны себѣ посту-
паче не только поля и межи, але и рѣки во арендѣ мали и все
тѣею властью взявши роскошовали? Але и то муситъ буги въ
мысли людей уважныхъ таковая справа, же по незбожныхъ
иже взяли зверхность броварници, пяници, костырове, картници,
иже и разбойници, и свинопасы, а меновите невестлоти, ко-
торые ижъ ся такъ повело, якъ оной свинѣ, межи копы влѣзши,
иже свиння хотѣла, туда копа летѣла, а взявши моцъ, не только

жидовъ и пановъ своихъ забивали, але і городовъ гвалтмъ добиваючи и всюды огнемъ палачи, людей въ невинности забиваючи въ неволю выдаючи, церкви, алтари божіи пустошачи, тѣла святыхъ угодниковъ божіихъ обдираючи, людей умершихъ зъ гробовъ вынимаячи, рѣчи посвященные церковные въ нѣвець оборочаючи и пропиваючи, зъ ризъ и зъ стихаревъ церковныхъ саяны и фартухи жонамъ и цоркамъ своимъ справовали, сребромъ церковнымъ шабля, сагайдаки, шабелтасы і ножна собѣ оправовали, братію свою драги мучили и забивали, дѣвокъ и младенцовъ мѣскихъ татарамъ за коня за сагайдаки и шабли продавали и въ неволю, въ особѣ самого Христа, въ невинности выдавали, присяги по колко кротъ ламлячи, шведовъ и венгровъ, волохъ и мунтянъ зводячи, изважаютъ, а въ остатокъ і самого царя московского христіанскаго, якого власного отца, по колко кротъ отступчюгъ, ордь и ляховъ на Заднѣпрѣ мятягаютъ, листами и прелестями своими, старшихъ позводили, миромъ всѣмъ заколотили, воеводъ царскихъ повыгоняли и не только мѣдяными денгами знехтѣли, але и сребныхъ по копѣйци не праняли, толко по чеху и по осмаку, і яко хто хочеть оные оборочаетъ, а въ томъ, немаючи певного старшого, герезій, блудовъ и блюзнерства между собою справе, яко проступци Закону Божьому, намножили, почавши отъ старшихъ ажъ до наименшихъ. Уважмъ сами межи собою, яко карання отъ Бога за тое негодны есмы?

Н. Ф. Сумцовъ.